

Прорись грамоты Ст. Р. 38

Стратиграфическая дата: XII в.

Текст делится на слова так: ... у **Прусовѣ гривна бѣз рѣзанѣ. Вода(и)** [или: **Вода(ле есмь)**] ...

Перевод: ‘У жены Пруса гривна без резаны. Дай (или: дал)...’

Имя (прозвище) *Прусь* встретилось в грамоте № 439 (конец XII – начало XIII в.).

[2004]

Грамота № 39

Найдена на Пятницком раскопе в квадрате 5, на уровне пласта 11 (глубина 2,20 м). Это целый документ из восьми строк (между пятой и шестой строкой вставлено, более мелкими буквами, еще три слова):

поклонъ ѿ грорыи юрмолѣ
и ѡзѣкъю. посласмь к тобѣ
шесть боцекъ вина. какъ
палѣцѣ хватиитыто
смотри горазноа продаликакъ
итѣ по тому же и ты то ѡшли
а моимъ робѣ [ѣт] а мѣ не даваи
серебра по [шл] и з до лгомѣ

Грорыи — явно описка вместо *Григорыи* (пропуск букв *иг*).

В последнем слове грамоты надстрочное *л* реально находится над *д*; но древнерусские писцы не считали нужным ставить надписанную букву строго над ее местом в слове.

Длина 21,4 см, ширина 11,8 см.

Стратиграфическая дата: последняя четверть XIV века.

Внестратиграфическая оценка: 1380-е – 1410-е гг.

Текст делится на слова так:

Поклонъ ѿ Грорыи Юрмолѣ и ѡзѣкъю. Посласмь к тобѣ шесть боцекъ вина, какъ палѣцѣ хвати. И ты то ѡсмотри горазно. А продаи какъ и тѣ, по тому же. Или то продале, (и) ты то ѡшли. А моимъ робѣтамъ не даваи серебра — пошли з долгомѣ.

Слова *ли то продале*, вписанные между строк, следует вставлять в текст после союза *и* (*или то продале* ‘а если ты то продал’), поскольку полноударное (а не энклитическое) *ли* в живом языке, насколько можно судить, отсутствовало (то есть фраза *ли то продале* нереальна). Но союз *и* нужен и перед *ты то ѡшли*, поэтому он здесь оказался как бы использован дважды.

Очевидно, автор после слов *по тому же* случайно пропустил отрезок *или то продале* и, когда заметил это, был вынужден вписать пропущенное между строк. После слов *по тому же* уже стояло *и* — осталось дописать *ли то продале*. Автор не обратил внимания на то, что союз *и* нужен также для последующего *ты то ѡшли*.

П О К Л О Н Ъ Т А О А Б И Н Е А М О Л А
 И С З Ф И П О Ц А В С М Д И К Т А
 Ш Т А Б О У Т И К В Д Н Н А К А К Т А
 П А В У Б У В А Т И Н Т В Т О Д
 С М О Т А Н Т О Д Р З Н О А П А О Д * Н И К А К В
 Н Т Ф Т О Т В М У К С Н Т О Д О С Ш А Н
 А М О Н М Х А С В А К У Н Н Е Д А
 С Т А С А П О Л С В А Г О М Ф

Перевод:

‘Поклон от Григория Ермоле и Озекею. Я послал тебе шесть бочек вина, [уровень] — как палец достанет. Так что ты это хорошенько проверь. А продай как и те, на тех же условиях. А если ты то продал — так ты то отошли. А моим ребятам денег не давай — пошли вместе с долгом’.

Предельно лаконичную фразу *или то продале (и) ты то ѿшли* можно понимать по-разному: а) ‘А если ты то [что тебе было раньше прислано] продал — так ты то [что на этом получил] отошли’; б) ‘А если ты то [что тебе было раньше прислано] продал (т. е. заключил акт продажи) — так ты то [покупателю] отошли’.

Как и во многих других берестяных грамотах, автор, указав двух адресатов, в тексте уже обращается только к одному из них — очевидно, первому.

Об импорте в Новгород вина, доставляемого ганзейскими купцами, было известно из традиционных письменных источников. В берестяной грамоте вино упоминается впервые. Грамота была найдена 26 июля, в день празднования очередной годовщины находки берестяной грамоты № 1, и упоминание в ней шести бочек вина было с большим энтузиазмом встречено собравшимися на праздник.

С лингвистической точки зрения необычайно интересна словоформа *посласмь* ‘я послал’. Из берестяных грамот мы уже знаем, что в древнерусском языке существовала особая, ранее неизвестная форма прошедшего времени — так называемый безэлевый перфект (см. ДНД₂, § 3.39). Она отличается от обычного перфекта тем, что вместо *l*-причастия в ней выступает форма без конечного *л*, равная основе инфинитива (*вза, посла, отда*), например: *вза ксме* (№ 482), *посла кси* (№ 99), *кси ѿдода* (№ 311). Как и в обычном перфекте, присутствует (по крайней мере, в 1-м и 2-м лицах) связка, причем, как видно из примеров, она в принципе может стоять как после глагольной формы, так и перед ней.

Но в данной грамоте первый раз в истории русского языка зафиксирован безэлевый перфект в слитной форме: *посласмь*. Такое образование явно сходно с польским прошедшим временем типа *poslałem* ‘я послал’, с тем, однако, отличием, что в состав польского *poslałem* входит обычное *l*-причастие, а не его усеченная форма. Таким образом, мы узнаем из данной грамоты, что в северо-западном регионе складывалась особая слитная форма прошедшего времени, не получившая, однако, дальнейшего развития в связи с общим угасанием древненовгородского диалекта. (Осторожность требует, правда, признать, что, пока в нашем распоряжении имеется всего один пример, нельзя исключать и простой пропуск буквы *к* на письме; но ввиду сходства с польским эта версия представляется маловероятной. Разрешить эту проблему должны новые находки берестяных грамот.)

Один из адресатов носит редчайшее имя *Ѡзѣкѣи*. Это народная адаптация библейского имени *Езекия* (греч. Ἐζεκίας): начальному греческому *ε* закономерно соответствует русское *о*; все имя переведено из женского морфологического рода в мужской (как *Еремѣи* из *Иеремия*, *Захарѣи* из *Захария* и т. п.). Конечное *-ѣи* — такое же, как, например, в *Еремѣи*, *Олекѣи* и др. (хотя в таких случаях обычно имеются и варианты с *-и*). Но для первого *ѣ* в имени *Ѡзѣкѣи* специальных оснований нет; здесь проявилось просто общее пристрастие писавшего к букве *ѣ*, которое обнаруживается также в написании *палѣцѣ* и, возможно, в *роб[ѣт]амь* (см. ниже). Гипокористическое *Озѣка*, встретившееся в № 649, может восходить как к *Озарья*, так и к *Озекѣи*.

В написании *палѣцѣ* оба ятя (или по крайней мере первый) выступают как замена для *е* или *ь*. Возможны интерпретации: *палець* (обычный И. ед.), *пальце* (И. ед. с окончанием *-е*, как в примерах типа *Нездильце* [см. ДНД₂, § 3.8]), *пальцѣ* (В. мн.); предпочтительны первые две (но для выбора между ними нужных данных нет).

Слова *какъ палѣцѣ хватѣи* (‘как палец ухватит [достанет]’) наглядно показывают, как проверялась полнота бочки: вынимали затычку в крышке бочки и проверяли, достанет ли палец до уровня жидкости. Автор подчеркивает, что посланные им бочки — полные, и требует тщательно проверить, не произошло ли убыли вина в пути.

Этот пассаж дает ключ к решению одного доныне не решенного вопроса из истории значений русских слов: каким образом слово *хватит* (т. е. ‘схватит, ухватит’) со временем получило также значение ‘достаточно’, ‘enough’, не имеющее, на первый взгляд, с исходным значением ничего общего? Грамота наглядно показывает, как проблема «достаточно или недостаточно» может сводиться к тому, схватит ли рука (палец, инструмент) находящийся на некотором расстоянии предмет (или поверхность). Ср. также примеры из Даля (IV: 544): *шест не хватает дна; шест берега не хватит*. Очевидно, именно из таких измерений родилась

возможность на вопросы типа *Полна ли уже бочка? Не надо ли еще долить?* отвечать словами *Уже хватит!* или просто *Хватит!* Это легко приводит к переосмыслению *хватит* как ‘достаточно’, после чего уже открыта дорога для сочетаний типа *мне хватит* (которые ранее, разумеется, были невозможны).

Заметим, что и слово *достаточно*, означающее то же самое, имеет сходную семантическую историю: оно прозрачным образом связано с глаголом *достать* в значении ‘дотянуться’, ‘суметь прикоснуться’.

По тому же — хорошо известное из более поздней деловой письменности выражение, означающее ‘на тех же условиях’ (т. е. ‘из того же расчета’, ‘по той же цене’ и т. п.). Слова *продаи какъ и тѣ по тому же* ясно показывают, что автор и адресаты совершают данную торговую операцию не первый раз.

Трудное место составляет *роб[ѣт]амь* в предпоследней строке. Из-за дырки в бересте здесь неясны две буквы. Судя по сохранившимся элементам, четвертая буква — *ѣ* или, может быть, *ѡ*; пятая — *т*, *ч* или *ц*. Хотя эти утраты столь незначительны, вполне надежной конъектуры здесь, как это ни поразительно, нет. Наиболее вероятно все же, что в тексте стояло именно *робѣтамь* — вместо *робатамь* ‘ребятам’, ‘слугам’ (*-амь* вместо *-омь* в этот период уже вполне возможно). Странный *ѣ* здесь может быть простой ошибкой (или результатом неумеренного пристрастия автора к этой букве); но, по-видимому, не исключено и обобщение основы косвенных падежей единственного числа, где *робати*, *-е*, *-емь* могло фонетически переходить в *робети*, *-е*, *-емь*.

Грамота № 40

Найдена на Пятницком раскопе в квадрате 17, на уровне пласта 11 (глубина 2,20 м). Это целое письмо из шести строк. Написано очень уверенной рукой, устойчивым почерком. Буквы глубоко врезаны в бересту, так что документ внешне напоминает надписи, вырезанные на медных пластинах.

поклонъ ѿ Оксини і Онани к Родивону
и сестри моєї Татіани. Поїдите в городъ к сеї неділі.
Давати ми доци, а сестри моєї приставницать. А азъ ѿсподину своєму Родивону і свої сестри моєї
много целомъ бую.

В предпоследней строке в слове *своѣму* после *сво* зачеркнуто *в*. В этой же строке написано *своі* (вместо *своєі*) *сестри*; заменой этого ошибочного *своі* служит *моєі* в следующей строке (но *своі* оставлено незачеркнутым).

Длина 21 см, ширина 6,3 см.

Стратиграфическая дата: последняя четверть XIV в.

Внестратиграфическая оценка: последняя четверть XIV в.

Текст делится на слова так:

Поклонъ ѿ Оксини і Онани к Родивону і сестри моєї Татіани. Поїдите в городъ к сеї неділі. Давати ми доци, а сестри моєї приставницать. А азъ ѿсподину своєму Родивону і свої сестри моєї много целомъ бую.

Перевод:

‘Поклон от Оксиньи и Онании Родивону и сестре моей Татьяне. Поезжайте в город к этому воскресенью: мне выдавать дочь, а сестре моей быть распорядительницей. А я господину своему Родивону и сестре моей челом бую’.

Оксинья и ее муж Онания обращаются к Родивону и его жене Татьяне — сестре Оксиньи. По-видимому, Оксинья и Онания живут в Новгороде, а Родивон и Татьяна — в Русе. Родственники должны приехать на свадьбу в город, т. е. в Новгород.